

шиеся под властью Строгановых. Не случайно цитированный выше стих упоминает и о «дальних языческих странах», которые слышат кабацкое «обнажение». О хищнической торговле Строганова пушнина с инородцами сохранились даже воспоминания у голландца Витзена (Введенский, стр. 102). Хорошо известно, как до недавнего времени шла подобная торговля с полудикими северными и сибирскими инородцами: спаивание населения, которое за водку почти даром отдавало свой товар, практиковалось издавна; не миновали, конечно, такого способа и агенты Строгановых; недаром о них сохранилась такая печальная память.

Хозяйственная деятельность Строгановых, как видим, неизбежно должна была создать в этом крае чрезвычайно обостренные отношения между населением, последовательно пролетаризировавшимся в результате их экономической политики, и хозяевами с их обширным штатом чиновников-исполнителей, не забывавших, конечно, и собственных интересов. Обезземеленное, лишенное промыслов население разными способами попадало в кабалу к предпринимателям, и в числе этих способов не последнее место занимал, конечно, по обычаю того времени, и кабак.

Все эти данные делают вполне вероятным появление памфлета против пьянства именно в Сольвычегодском краю.¹ Здесь на севере, вдали от праявщей Москвы, смелее могла быть и критика государственного учреждения, каким в ту пору был кабак. В эпоху, когда для царской казны, не оправившейся еще от финансового кризиса, вызванного Смутным временем, кабаки были особенно нужны, автор «службы кабаку» прямолинейно и без оговорок высказал точку зрения противоположную государственной: для той кабак — один из главных источников дохода, откуда черпаются средства на самые разнообразные нужды вплоть до оплаты погребения (см. указ царя в 1615 г. взять на погребение умершей в Суздале царицы-старницы Александры из кабацких денег 50 р. — Прыжов, стр. 108), — для нашего автора кабак прежде всего — «людям обнажение велие». Противоречие интересов праявляющих и управляемых классов в вопросе о кабаке сказалось вполне отчетливо. Эта сатира-пародия прекрасно дополняет историю борьбы народа с кабаком, как мы ее знаем по документам XVII в.

¹ Собственные имена, встречающиеся в тексте «службы кабаку» известны по документам XVI—XVII вв. в северо-восточной России. Н. М. Тупиков (Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903) приводит следующие имена, параллельные нашему тексту: Т. Розинка — с. к. Розянка, Т. Кокора — с. к. Кокорка, Т. Трус — с. к. Трус. Т. Кур, Кура, Курец — с. к. Куреха, Т. Гомзяк — с. к. Гомзин, Т. Черной, Черный — с. к. Черный. Эпитет пьяницы «дурносоп» имеет интересную параллель в фамилии Дурносопов, отмеченной Тупиковым в 1551 г. у белозерца (стр. 540). Таким образом и эти данные не противоречат нашему предположению, что памятник возник на Севере.